

Об уродстве новых идей. 30 марта, 2020 г. ФБ

«...Если, приглядываясь к твоим рассуждениям, я сочту что-то ложным призраком, изыму это и выброшу, то не свирепей, пожалуйста, как роженицы из-за своих первенцев. Дело в том, дорогой мой, что многие уже и так на меня взъярились и прямо кусаться были готовы, когда я изымал у них какой-нибудь вздор. Им даже в голову не приходило, что я это делаю из самых добрых чувств. Они не ведают, что ни один бог не замышляет людям зла, да и я ничего не делаю злонамеренно, просто я не вправе уступать лжи и утаивать истинное». Платон. «Гэтет».

Первый порыв – предложить всем то, что по-английски называется *peace of mind* – душевное спокойствие – оборачивается беспомощным утешительством и превращается в желание посоветовать скорее *want of mind* – пробуждение сознания, более активную реакцию на создавшееся положение.

То, о чём я продолжаю талдычить, вероятно выглядит неуместным или, по крайней мере, слишком умозрительным – может быть и заслуживающим некоторого интереса, но не сейчас, а потом, когда можно будет расслабиться, и свободное время вновь станет досугом, а не вынужденным и тягостным ожиданием.

Мне же представляется, что именно сейчас ничего более важного не может быть. Потому что именно в каждое из текущих мгновений определяется то, каким это «потом» окажется, и каждый из нас в этом определении участвует. Или не участвует – но по собственному выбору, а не от беспомощности.. Вопрос в том, насколько в действительности нас занимает это будущее. И можно, конечно, поспорить, следует ли так уж о нём печься, раз оно – в том или ином виде – всё равно наступит. А тогда уж мы и начнём с ним разбираться. Так научила нас себя вести эволюция в сотрудничестве с нашими усилиями по преобразованию мира.

И в частности, эти двое успешно поработали над тем, чтобы низвести представление о *homo sapiense* до уровня игрушки мировых сил – или удержать его на этом уровне. То есть, мы полагаем, что в здешних мирских делах мы обладаем полной властью и способны, если возьмёмся за ум и поднатужимся, привести всё в порядок. Что же касается всего Мироздания – тут наша власть кончается. И даже исследуя его устройство и размышляя о нём, мы всего лишь тешим свою любознательность. В лучшем случае – пользуемся обрывками новоприобретённых знаний для усовершенствования здешнего жития.

На мой взгляд, дело обстоит не совсем так. Существует бесспорная обратная связь. Устраивая свои земные дела, мы, пока неведомым нам образом, воздействуем на самые основы Мироздания и, по существу отчасти формируем его. А затем оказываемся вынужденными с этими основами считаться, поскольку именно они определяют наше существование. И бываем весьма озадачены результатами работы собственных рук.

Если бы такое представление о возможностях *homo sapiense* предваряло наши деяния, мы вероятно сумели бы намного быстрее избавиться от собственного неведения и

обрели более уважительный – и соответствующий действительности – образ самих себя. Да и результаты не заставили бы себя ждать.

Вот, не самый важный и интересный, но всё-таки пример. Нынешнее преобладающее мировое устройство, в основе которого лежит экономика, утверждает, что нельзя безвозмездно помогать обнищавшим людям, потому что, будучи обеспеченными, они не захотят работать и, стало быть, осложнят развитие экономики.

Такие потенциальные бездельники несомненно существуют. Но сколько их? Я даже не касаюсь вопроса о сомнительном обожествлении экономики, как таковой. Сколько людей работают только для того, чтобы себя прокормить? И сколько – удовлетворяя внутреннюю потребность что-то делать, производить? И сколько продолжают производить, не рассчитывая, что это занятие обеспечит им существование? Даже в таком пустяке вырисовывается образ Человека, который намного выше того примитивного создания, на котором настаивает утвердившееся представление.

Я согласен, сейчас не самое подходящее время говорить о Великих Загадках Бытия. Но вот – самая обыденная на сегодняшний день загадка, которая, тем не менее, отсылает нас к самим основам существования.

Из-за нехватки оборудования врач вынужден в считанные минуты решать, кому из двух пациентов предстоит выжить. С внешней стороны всем очевидно, что такой ситуации не должно быть, нельзя ставить человека перед таким выбором. И мы, вместе с врачом, стараемся ситуацию исправить, обращаясь к властям с требованием нужное оборудование предоставить. Действия наши в этом случае отнюдь не оптимальны, поскольку у властей тоже есть выбор и, отдалённые от непосредственного случая, они не столь остро переживают дилемму. Но что же делать врачу, пока он дожидается рассеянной реакции властей?

Он пытается принять решение, сопоставляя личные особенности двух жертв. Ими могут быть пожилая женщина с множественными сопутствующими заболеваниями, у которой есть продвинутая директива: «не интубируй/не реанимируй»; мать-одиночка троих детей; уважаемый лечащий врач, ещё работавший на прошлой неделе; мужчина средних лет с сопутствующими заболеваниями и банальными шутками, который напоминает врачу его отца; или сам отец врача. Это может быть человек сидящий в тюрьме за изнасилование или за хранение марихуаны; любимая и богатая знаменитость; бездомный с расстройством, связанным с употреблением алкоголя, который плюет на медиков и самого врача, когда те пытаются ему помочь.

Врач терзает себя сложностью выбора, который в любом случае окажется правильным и неправильным одновременно. Его вынудили взять на себя посторонние, не свойственные ему обязанности. Совершая выбор на основании личных свойств пациента, он берёт на себя бремя этического правосудия – особой и невероятно сложной стороны бытия, не имеющий никакого отношения к его профессии. Если не в его силах сохранить жизнь обоим пациентам, и он сохраняет одну, совершенно не важно, какими привходящими особенностями эта жизнь отличается от другой. Но каким бы этот выбор в результате ни оказался, совесть не оставит врача в покое. В этом не будет его личной вины, поскольку перед таким выбором его поставили насильно, но это вынужденное бремя может оказаться одной из тяжких, посторонних и опасных сторон профессии. А

ему, между прочим, предстоит спасти жизнь множеству других людей, и они, его будущие пациенты, вправе рассчитывать на его душевное равновесие.

У этой ситуации есть и многие другие привходящие обстоятельства. Власть в лице человека, который не имеет права ею распоряжаться и не должен ею обладать, состояние общества, которое позволило ему эту власть обрести, система организации этого общества, допускающая возможность такого выбора и многое другое. Но вот в этот миг врачебного решения всё это – проблемы второго плана.

Личность выброшена из знакомого житейского ряда и оказывается наедине с Мирозданием, вместе с которым ей и придётся осуществить выбор.

Вынужденному опуститься в своём сознании чуть глубже, ему может неожиданно открыться несколько истин, не проникавших прежде в его мозг. Например, что безусловно порочными были бы отказ или нерешительность такой выбор совершать, обрекая на гибель не одну, а обе жизни. Или что в этом невозможном, невыносимом выборе между жизнью пациента А и пациента Б главным становится третье – сама человеческая жизнь, которую он отделяет от привходящих обстоятельств, выбирает и сохраняет. Освобождая на время своё сознание от так называемых «объективных» показателей, касающихся возраста пациента, его сопутствующего состояния здоровья, поведения и прочих личных особенностей, врач прислушивается к тому что говорит его душа – или совесть, что в сущности одно и то же. На этом языке с нами говорит Мироздание, и у человека, по крайней мере, останется уверенность, что именно оно водило его рукой. Это не избавит его от человеческого, экзистенциального страдания, но ослабит чувство личной вины, позволит разделить его с остальными – вольными или невольными участниками процесса.

Но ведь в этом положении, условно говоря, оказались сейчас мы все.

Среди подлежащих врачебному выбору, может быть и тот самый бездельник – опорный образ человека в господствующем экономическом мышлении. Ну так что ж, и его личные особенности не должны входить в расчёт, поскольку никакой расчёт тут не приложим. И поскольку образ этот не соответствует истинному образу Homo Sapiens. А он ещё и Платона не читает. Но ведь для кого-то Платон был записан?

То, что мы поставили врача перед таким выбором, является человеческой проблемой лишь в отношении нашего общественного сознания, допускающего предоставлять власть людям, которые не имеют права такой властью обладать и способны ввергнуть нас в ситуацию подобного выбора. Это сознание мы должны и можем усовершенствовать – это в наших силах.

Но пока мы вынуждены оказываться в ситуации отсутствующего *не мыслимого* выбора – нам не следует подходить к нему с нашими неприспособленными к нему средствами. Как не следует и отчаиваться в своих способностях – их можно расширить, отдав решение в руки Мироздания и постаравшись его услышать. В конце концов, мы всё-таки сохраняем жизнь – ту Жизнь, которая находится на попечении Мироздания.

Это и будет способом по-своему, в меру наших человеческих возможностей отклонить навязываемую вам несовершенством общественного устройства, противоестественную обязанность, сохранив в равновесии свою личность. И только такая личность будет впоследствии способна это устройство изменить, чтобы раз и навсегда устранить возможность оказываться перед невозможным выбором.

Таков новый, незнакомый нам пока способ мышления, овладеть которым, как мне кажется, нас призывает нынешняя катастрофа.

Перечитывая вышесказанное, я прихожу в ужас от самого себя. До такой степени нелепым и чуждым всё это выглядит. Да, я сам себе порой кажусь уродом. И понимаю, что именно так в эти минуты меня должны воспринимать окружающие. Так, по-видимому, и должно быть. Я собственно, ничем от всех и не отличаюсь, и ко мне в той же мере относится всё, что сказано о наших устоявшихся представлениях. И на меня в той же мере отталкивающе действуют эти идейки о каком-то незнакомом способе мышления.

Но сами они от этого не исчезают. Поневоле приходится их осваивать, как приходится осваиваться в новых, пугающих и неустрашимых обстоятельствах пандемии.

И остаётся пока слабенькая надежда, что может быть где-то ещё сидят и мучаются два-три таких же уroda. Что в какой-то момент эта идея начнёт распространяться так же быстро и широко, как пресловутый вирус, и тогда человечество ответит на стихийное бедствие своей собственной конструктивной, созидательной анти-пандемией выздоровевшего сознания.